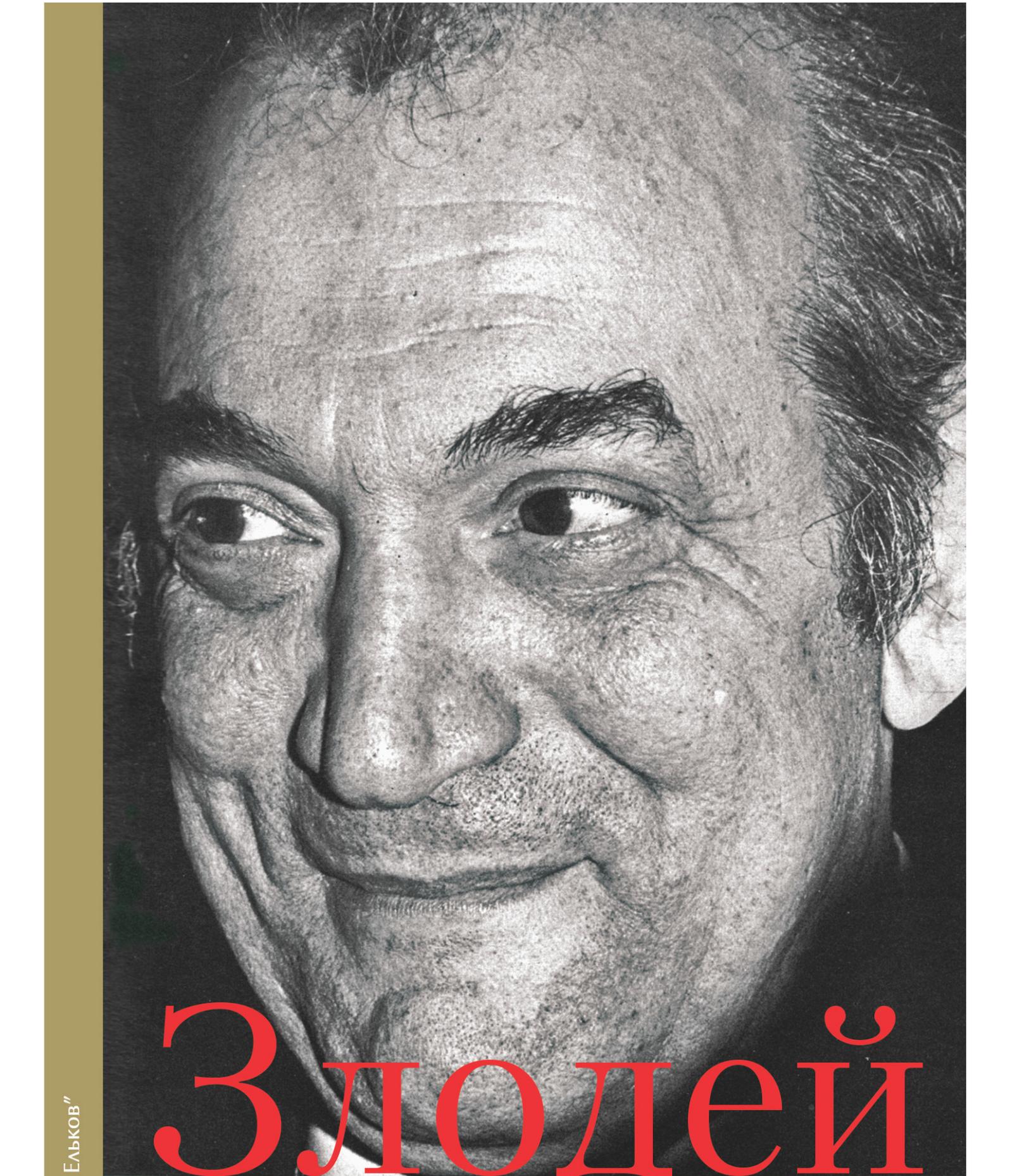

Издатель "Андрей Ельков"

Злодей

Полвека с Виктором Корчным

Генна Сосонко

Генна Сосонко

**Злодей. Полвека с
Виктором Корчным**

«Издатель А.Ельков»

2018

УДК 794.1
ББК 75.581

Сосонко Г.

Злодей. Полвека с Виктором Корчным / Г. Сосонко — «Издатель А.Ельков», 2018

ISBN 978-5-906254-57-3

Новая книга Генны Сосонко, третья в серии его произведений о выдающихся шахматистах (после книг «Давид Седьмой» о Бронштейне и «Познавший гармонию» о Смыслове), посвящена судьбе невозвращенца Виктора Львовича Корчного – одного из самых известных гроссмейстеров XX века. Его борьбу с Карповым, их матч в Багио (1978) по накалу шахматных и политических страстей можно сравнить, пожалуй, лишь с противостоянием Спасский – Фишер. Автор близко знал Корчного, работал с ним в качестве секунданта, встречался на турнирах и в домашней обстановке. Перипетии жизненного пути своего героя Сосонко описывает со свойственным ему блеском. В книге приводится много незнакомых фактов, дается большая подборка фотографий, в том числе и почти совсем неизвестных. Для всех любителей шахмат. Фото из личного архива автора, а также из архивов журналов «Шахматы в СССР» и «64–ШО».

УДК 794.1

ББК 75.581

ISBN 978-5-906254-57-3

© Сосонко Г., 2018

© Издатель А.Ельков, 2018

Содержание

Человек-легенда	7
Прыжок на свободу	9
Начало	12
Наши первые встречи	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Генна Сосонко
Злодей. Полвека с Виктором Корчным

© Сосонко Г., 2018

© Издатель Ельков А., 2018

* * *

Человек-легенда

Как и Чигорин, Рубинштейн, Керес, Бронштейн, он не носил чемпионскую корону, но его имя знают все любители игры. Виктор Корчной не только достойно боролся в матчах за мировое первенство, но и выигрывал крупнейшие турниры с участием всех сильнейших, и его вклад в шахматы не менее весом, чем у стоявших на самой вершине огромной шахматной пирамиды.

Страдал ли он от того, что так и не стал чемпионом мира? Испытал ли, как каждый творческий человек, из всех сожалений самое горькое – от того, что ему так и не удалось осуществить? Не уверен. Даже без высшего титула он, фактически в одиночку бросив вызов огромному советскому монстру, приковал к себе внимание всего мира и оставил свое имя в истории игры навсегда.

Как и поэт в России был больше, чем поэт, так и шахматный гроссмейстер в Советском Союзе был больше, чем шахматист. Так повелось еще со времен Ботвинника, но на Западе популярность шахмат была несравнимо меньше. Явление Бобби Фишера, ставшего символом свободного мира в его борьбе с тоталитарным режимом, привлекло невероятный интерес к игре, но после ухода американца шахматы снова заняли свою скромную нишу.

Следующему витку популярности шахматы обязаны только и исключительно Виктору Корчному. Здесь переплелось всё: и конфликт тех же противоборствующих систем, и общая международная обстановка продолжающейся холодной войны, и его личная драма, когда власти отказывались выпустить на Запад его семью. Известия об этом противостоянии переместили шахматы со страниц спорта на первые полосы газет и даже дали сюжет мюзиклу, годами шедшему с аншлагом на подмостках Лондона и Нью-Йорка.

Спортивная карьера Корчного длилась без малого семьдесят лет и вобрала в себя целое столетие: он играл и с Григорием Левенфишем, родившимся в 1889 году, и с Магнусом Карлсеном, появившимся на свет в 1990-м. И сыграл больше партий, чем кто-либо в истории игры, а из этих семи десятков лет активной шахматной деятельности почти три десятилетия принимал непосредственное участие в борьбе за чемпионский титул. Трудно найти в истории шахмат бойца, которого можно было бы поставить рядом с ним.

Сказал как-то: «Хорошо было Ласкеру помнить свои партии, а я за последние тринадцать лет сыграл их вдвое больше, чем Ласкер за всю свою карьеру. К тому же мне было скучно – повторять одно и то же по несколько раз даже ради практического успеха. Для меня с моим характером это было довольно нудно. Поэтому, за редким исключением, я играю дебют каждой партии так, будто это положение случилось впервые в жизни».

Таков подход творца в любом виде человеческой деятельности: посмотреть на давно устоявшиеся представления и понятия глазами ребенка, увидевшего явление в первый раз.

Может, в этом отторжении рутины и постоянном стремлении к новому не только разгадка его удивительного шахматного долголетия, но и объяснение того, почему он не стал чемпионом мира: с таким подходом к игре можно долго играть в шахматы, но... завоевать самое высокое звание?

Когда три дня спустя после драматичного матча в Багио (1978), где он был на расстоянии вытянутой руки от титула, я увидел его на Олимпиаде в Буэнос-Айресе, он не производил впечатление несчастного или даже расстроенного человека. Мысль, что Сизиф был по-своему счастлив, даже если камень, который он волок к вершине горы, всё время скатывался обратно, пришлась бы, думаю, ему по душе.

Но что произошло бы, если бы ему удалось стать чемпионом мира? Если оставить за скобками, что в этом случае, как сообщил ему однажды Таль, его могли бы просто уничтожить физически, не думаю, чтобы Корчному было бы комфортно на троне. Он был очень хорош в

противостояниях, в конфронтациях, в борьбе. Но разрезать ленточки, пожимать после двухходовой ничьей руку президента какой-нибудь страны, а потом, надев искусственную улыбку, позировать вместе с ним перед объективами телекамер? Заседать на конгрессах ФИДЕ рядом с людьми, к которым испытываешь явную антипатию?

Его бунтарская натура бессознательно противилась бы этому умиротворенному почиванию на лаврах, не говоря уже о потере ориентиров: ведь всё уже завоевано, что теперь? Нет, лавровый венок чемпиона только колот бы его острыми листьями, и я плохо себе представляю, что даже в этом случае мы увидели бы, наконец, укрощенного Корчного.

Вторую половину жизни он прожил в Швейцарии. Испытывая безграничное уважение к швейцарскому образу жизни, он не уставал повторять, что единственное, что ему не нравится в этой стране, это ее нейтралитет. Объяснял: наверное, это потому, что он сам родился в государстве, где нейтралитетом и не пахло. Понятие нейтралитета в его глазах было сродни ничьей, которой он так старался избегать в своих партиях.

Однажды у него спросили: «Какую самую невероятную легенду о себе вам приходилось слышать?» Удивился: «Легенду? А зачем это вам? Моя жизнь настолько невероятна, что ни с какой легендой не сравнится».

Когда ему исполнилось семьдесят, автор по просьбе самого Корчного написал вступление к сборнику его избранных партий. Понятно, что тот юбилейный текст не был написан с последней прямоотой.

В книге, представляемой на суд читателей, я попытался сделать это.

Прыжок на свободу

«Что делать? Что делать? Сеанс в Гааге был в самом разгаре, а я еще не принял окончательного решения. Ведь можно же еще спокойно отправиться на прием в советское посольство, завтра вернуться в Ленинград и попробовать в следующий раз. Как, мне сказал Майлс, будет по-английски “политическое убежище”? Political asylum. “Политикл эсайлэм”. Легко сказать. Наконец сеанс кончился, я попрощался с организаторами, пришло такси. Вот уже шофер спрашивает: “Куда едем?” – но я не знаю. Не знаю! И лишь когда таксист повторил: “Так вам куда?” – я сказал: “Амстердам!” На следующий день рано утром я пришел в полицию и попросил политическое убежище».

Так рассказывал мне Виктор Львович Корчной о событиях 26 июля 1976 года. События эти резко изменили не только его собственную жизнь. Они привнесли в борьбу за мировое первенство такой накал страстей (с очевидной политической подоплекой), что оказались сравнимы с прямой конфронтацией между Востоком и Западом во время матча Спасский – Фишер (1972).

Корчной не был первым гроссмейстером мирового класса, ушедшим из советской России на Запад. Когда в 1929 и 1934 годах Алехин играл матчи на первенство мира с Ефимом Боголюбовым, в СССР одного иронически называли «французом», другого «немцем», а обоих – «ренегатами, продавшими свой талант за чечевичную похлебку буржуазного рая». Но, упоминая их имена, отмечали: «Не следует забывать, что в политике бывшие советские чемпионы всего лишь пигмеи, тогда как в шахматах они виднейшие корифеи современности». И печатали отчеты о матчах «ренегатов», помещали статьи о турнирах с их участием, комментировали их партии.

В семидесятых годах в Союзе всё обстояло много жестче. Даже на пути к легальной эмиграции власть ставила различные рогатки (если вообще давала разрешение на выезд), а уж к беглецам относилась совершенно непримиримо.

Почти полвека спустя непросто понять, что означало такое решение Корчного для гражданина СССР и как невероятно трудно было сделать этот последний прыжок на свободу. Ведь после этого на родине ты сразу же становился предателем и изменником, как было со знаменитыми невозвращенцами той поры – Рудольфом Нуреевым, Михаилом Барышниковым, Натальей Макаровой, Людмилой Белоусовой и Олегом Протопоповым, чтобы назвать нескольких. Никто из них не являлся диссидентом. Но за пределами страны нередко оказывались не политические противники и не диссиденты в прямом смысле слова: разрыв с системой диктовался самой логикой их творчества.

В этом ряду Корчной выделялся тем, что своей повседневной деятельностью на Западе доставлял советским властям куда больше неприятностей, чем названные звезды или, к примеру, Солженицын, Бродский, Ростропович, Тарковский... Если их имена можно было не упоминать, не издавать книги, замалчивать концерты и спектакли, не показывать фильмы, с Корчным было иначе.

В изолированной от остального мира огромной империи шахматы всегда пользовались невероятной популярностью, а здесь речь шла о четырехкратном чемпионе СССР, неистовом и легендарном бойце. Регулярно сражаясь с представителями Советского Союза в матчах претендентов и матчах за мировую корону, Корчной постоянно напоминал о себе миллионам своих недавних соотечественников. Особую остроту этим беспощадным схваткам придавал тот факт, что представителем Запада выступал бывший советский гражданин.

В газетных статьях, теле- и радиорепортажах его имя, преданное анафеме, чаще всего скрывалось за безликим «соперник» или «претендент», но именно поэтому – ненапечатанное и произносимое только шепотом – оно звучало внутри страны громче всяких фанфар.

Его могли называть кем угодно – предателем, изменником, двурушником или ренегатом, но его партии смотрели со страниц выходявшей миллионными тиражами центральной прессы, и переигрывать их мог каждый. Эти партии невозможно было отменить, равно как и его спортивные результаты.

«Злодей», как окрестили Корчного советские коллеги, сделал шахматы делом государственной важности, и о ходе матчей на первенство мира докладывали по прямому проводу руководителям СССР – словно сообщали сводки с полей военных сражений.

Сам Корчной полагал, что, несмотря на официальное осуждение, у советских коллег в глубине души таилось восхищение его поступком, его эмигрантской судьбой. Наверное, так и было: ведь многие из тех, кто вынужден был подписать антикорчновское письмо, начали покидать Советский Союз, едва это стало возможным, не говоря уже о более поздней эпохе, когда эмиграция из страны стала просто перемещением из одного пункта пространства в другой.

Сегодня молодые люди, родившиеся уже после распада СССР, называют Корчного то «беженцем», то «эмигрантом» или просто «покинувшим страну». Конечно, им нелегко вставить себя в рамку того невероятного времени, но все эти определения не просто неточны – они неправильны. Трудно подобрать слово, которое смогло бы выразить тот раскат грома, взрыв невероятной силы, каким явился в июле 1976 года уход на Запад знаменитого гроссмейстера. Тогда ведь казалось, что Советский Союз вечен и железный занавес опущен навсегда.

В те дни в Киеве проходило командное первенство «Буревестника». Лев Альбурт вспоминает, как к группе молодых участников, живо обсуждавших событие, подбежал взволнованный Марк Тайманов и осуждающе бросил на ходу: «Мальчишки! Чему смеетесь!». И спустя пару минут грустно добавил: «Хуже всего будет евреям – выезд теперь закроют в первую очередь нам. Не понимаю, чему вы здесь радуетесь...» А Василий Васильевич Смыслов, улыбаясь, как всегда, чему-то своему, заметил: «Берегите, берегите Хенкина. Виктор Львович теперь у нас один!» (шахматный журналист В.Л. Хенкин был двойным тезкой гроссмейстера).

Или жанровая сценка осени 1976 года, два месяца спустя после бегства Корчного. Минск, первая лига чемпионата СССР. Выступая перед зрителями, «старички» стараются осудить Злодея, доказать, что их с ним ничего не связывает. На открытии турнира слово берет главный судья Сало Флор: «Корчного за его поведение мы, конечно, осуждаем...» Договорить Флору не дает Тайманов – он вскакивает с места и резко заявляет: «Мы осуждаем Корчного не за поведение, а за предательство!»

Когда я читал воспоминания самого Корчного (от «Записок злодея» до «Шахмат без пощады»), да и других мемуаристов, невольно вовлеченных в детективные события того времени, у меня порой возникало такое же ощущение, как и у Владислава Ходасевича на одной из парижских лекций о символизме.

«Всё, сказанное лектором, было исторически верно, вполне добросовестно в смысле изложения литературных фактов, – писал поэт. – Многое ему удалось наблюдать правильно, даже зорко. Словом – лектору все мои похвалы. Но, слушая, мне всё чувствовалось: да, верно, правдиво, – но, кроме того, я знаю, что в действительности это происходило не так. Так, да не так». И объяснял причину этого чувства: он, он сам являлся живым свидетелем описываемых событий, он вдохнул еще тот воздух, о котором шла речь на лекции.

Несколько раз Виктор говорил мне: «Вы – мой душеприказчик». Неясно, что вкладывал он в эти слова, но я счел своим долгом вспомнить всё, что знаю о жизни этого необычного человека. Более того – что знаю только я. Мне не давало покоя, что иначе останется неправильно истолкованным один из самых волнующих эпизодов шахматной истории, вошедший в огромную мозаику общей истории Советского Союза.

Когда-то Зигмунд Фрейд отговаривал Цвейга от попытки написать его биографию: «Кто становится биографом, вынуждает себя ко лжи, утайкам, мошенничеству, украшательству и

даже к маскировке своего непонимания – правды в биографии достичь невозможно, а если бы даже и можно было, то с такой правдой было бы нечего делать за ее непригодностью».

Соглашаясь с отцом психоанализа, я и не пытался написать биографию Корчного. Это только воспоминания, скорее даже собрание глосс, толкований, непонятных или непонятых мест из такой непростой жизни человека, которого я знал почти полвека, рядом с которым провел в общей сложности многие месяцы и годы. Хочу верить, что эти воспоминания не только раскроют мотивы его неоднозначных поступков, но и покажут его подход к игре, характер и поведение в повседневной жизни.

Но, сознавая, что и воспоминания – опасное оружие, я все-таки решил представить их на всеобщее обозрение. И не только потому, что они известны лишь мне, но и потому, что без их знания бурная, туго переплетенная с политикой история шахмат XX века будет неполной и даже неверно понятой.

Будучи исторической личностью, пусть и в такой ограниченной области, как шахматы, он был человеком необычным скорее, чем необыкновенным, и судьба его оказалась тоже необычной.

В своих размышлениях о нем мне хотелось показать великого шахматиста со всеми его, как говорят англичане, *warts and all*, не забывая, что «бородавки и вообще всё» не могут заслонить главного, чему была посвящена жизнь выдающегося гроссмейстера, – шахмат, ставших для него в самом конце obsession.

Начало

Он родился 23 марта 1931 года в Ленинграде в еврейской семье. Еврейкой была его мать, Евгения Григорьевна (Зельда Гершевна) Азбель. Правда, отец, Лев Меркурьевич Корчной, был евреем только наполовину: мать отца – бабушка Вити – была польских кровей, урожденная Рогалло. Когда родители после бурного развода расстались, она стала для внука самым близким человеком. Витя жил у бабушки с двухлетнего возраста и очень тепло пишет о ней в своих воспоминаниях.

Бабушка, ее сын (отец Вити) и сам ребенок делили маленькую комнатку в тринадцатикомнатной коммунальной квартире. Бабушка спала на кровати, отец на диване, а Витя – на стульях, составленных вместе посреди комнаты. Он вспоминал, что в раннем детстве говорил по-польски, но потом, как это часто бывает, язык выветрился напрочь. Вспоминал и о том, как бабушка водила его в костел, учила молиться и тайно крестила, но после ее смерти советское воспитание, школа, а потом университет легко отодвинули всё это куда-то очень-очень далеко. И в повседневной жизни, тем более в шахматах, его никак нельзя было назвать последователем богочеловека, объявившего, что краткие наследуют землю.

Он был далек от какой-либо религии вообще. На Олимпиаде в Стамбуле (2000) вдруг подошел к Борису Гулько, ходившему с кипой на голове. «Вам что, солнце в голову ударило?» – раздраженно спросил Корчной у гроссмейстера, одного из немногих, не подписавших письмо против него четверть века назад. Вряд ли что-то меняет заявление Виктора, сделанное в 2012 году: «Каждый день молитву я не читаю – молиться, думаю, необязательно, но если большинство верит в лучшую жизнь, которая наступит благодаря чему-то, это правильно». Да и многочисленные жалобы уже в сумеречном состоянии сознания в самом конце жизни, что его не пустили под Рождество в церковку при клинике, тоже звучат не очень убедительно. Единственной богиней, которой он служил, была Каисса, и этой богине он оставался верным до конца.

Отец Виктора работал на кондитерской фабрике. Там он повстречал Розу Фридман и вскоре женился на ней. Роза Абрамовна стала мачехой ребенка, но от самого Виктора я никогда не слышал слова «мачеха», несущего в русском языке определенную отрицательную коннотацию: он называл ее только «приемная мать».

Лев Меркурьевич Корчной погиб в самом начале войны, и все заботы по воспитанию Вити выпали на долю Розы Абрамовны. Мальчик пережил ленинградскую блокаду, смерть многих близких, холод и голод, больницу для дистрофиков.

Когда Виктору исполнилось шестнадцать и пришла пора получать паспорт, Роза Абрамовна настояла, чтобы в графе «национальность» у Вити было записано «русский». Она рассуждала очень здраво: на дворе стоял 1947 год, антисемитизм уже поднимал голову, чтобы несколько лет спустя под термином «космополитизм» расцвести в Советском Союзе махровым цветом, да и само слово «еврей» звучало тогда почти как вызов.

Но, хотя по паспорту он стал русским, с его чертами лица, мимикой и картавостью Корчной мог быть легко заподозрен в том, что он еврей, кем фактически и был.

Грэм Грин говорил, что трудное детство – бесценный подарок для писателя, а Александр Толуш утверждал: чтобы хорошо играть в шахматы, нужно быть бедным, голодным и злым. Безотцовщина и тяжелое детство, без сомнения, сказались на формировании и без того нелепого характера Корчного и явились причиной комплексов, от которых он не мог избавиться длительное время.

В 1960 году, возвращаясь с успешного турнира в Буэнос-Айресе, он заказал в Риме спаль-ный гарнитур – по тем временам невероятная роскошь. По общему мнению, валюту можно было бы потратить более разумно, но, видно, края сдвинутых вместе стульев, на которых он спал ребенком, слишком уж врзались ему в бока.

Свою родную мать Виктор вспоминал как женщину взбалмошную, резкую и драчливую (я видел ее несколько раз в Ленинграде). По его собственному признанию, мама то отдавала его, маленького, на воспитание отцу, то у нее проявлялись материнские чувства, и она требовала его обратно, и шесть судов родителей из-за судьбы мальчика тоже не прошли для него бесследно.

Хорошо знавшие Евгению Григорьевну утверждают, что характером ее сын пошел в мать (впрочем, к подобным сравнениям надо относиться очень осторожно). Когда у нее в начале семидесятых обнаружился рак и ее устроили в онкологическую больницу в поселке Песочном под Ленинградом, она не поленилась сбежать оттуда в город и прийти в райком партии, чтобы, «борясь за справедливость», рассказать райкомовским товарищам, какой у нее плохой сын.

А вот о приемной матери Виктор всегда отзывался очень тепло. Ведь именно с ней он пережил самое страшное время ленинградской блокады, именно Розе Абрамовне, работавшей на кондитерской фабрике, был обязан жизнью, о чем маэстро откровенно и написал в своей автобиографической книге «Шахматы без пощады» (2006).

Роза Абрамовна Фридман покинула Советский Союз в июле 1982 года вместе с Беллой – первой женой Корчного и его сыном Игорем, когда родные невозвращенца после шестилетних мытарств, наконец, получили разрешение на эмиграцию. Она поселилась в Израиле, дожила до весьма преклонного возраста и умерла весной 1999 года в Беер-Шеве. Для нее Виктор был всем.

Регулярно играя в Израиле, он приезжал туда и ради приемной матери, помогал ей материально и, не имея времени писать длинные письма, наговаривал кассеты и посылал их в Беер-Шеву. Роза Абрамовна была, без сомнения, его самым главным, а возможно, и единственным конфидентом – рискну предположить, что с ней он был откровенен как ни с кем другим. Игорь Корчной рассказывал, что после смерти бабушки Розы он обнаружил в ее беершевской квартире десятки таких кассет.

Не скажу, что эта форма общения была популярной, но в Голландии тогда продавались на почте так называемые «говорящие письма» – часовые или получасовые кассеты для магнитофона. Понятно, что отправитель мог наговорить на такую кассету много больше, чем написать в обычном письме, к тому же адресат слышал голос родного человека.

Я тоже подумывал отправить такую кассету близким в Ленинград, но мысль, что даже если кассета дойдет до них, они будут не первыми ее слушателями, в конце концов отвратила меня от этой затеи. Думаю, Виктор любил аудиоформат еще и потому, что мог здесь гораздо больше, чем в письме, растечься мыслью, помогая себе интонацией (одну такую кассету с его голосом я прослушал совсем недавно). Надо ли добавлять, что всё это происходило в доинтернетовскую эпоху, когда письмо в конверте было едва ли не единственным средством общения...

Отец показал мальчику, как ходят шахматные фигуры, когда тому было шесть лет. Но всерьез Витя заинтересовался игрой после прорыва блокады Ленинграда, когда возобновил работу Дворец пионеров. На фанерном щите, установленном на Невском, он холодным осенним днем 1944 года увидел карандашную надпись: «Прием школьников в открытое первенство Ленинграда по шахматам. Руководитель кружка А.Я. Модель». На всякий случай мальчик записался и в другие кружки – художественного слова и музыкальный, но, к счастью для шахмат, у него обнаружили дефекты в произношении, а пианино дома не было.

Поскольку в главном здании Дворца размещался госпиталь, свои первые партии Корчной сыграл в бомбоубежище. Там были расставлены шахматные столики, с сохранившимися еще с довоенных времен комплектами шахмат. До жути худой мальчишка с фанатичным блеском в глазах, пряча от холода руки в длинные рукава отцовского пиджака, спешил с улицы Некрасова на Невский, чтобы сыграть очередную партию, а дома штудировал чудом сохранившийся старинный учебник Дюфрени «Руководство к изучению шахматной игры». Шахматные книги

стоили тогда дешево, и на сэкономленные деньги Витя смог приобрести и несколько современных дебютных справочников.

Летом 1946 года в шахматный клуб Дворца пионеров, переехавший в отделанный ореховым деревом бывший кабинет Александра III, пришел Владимир Григорьевич Зак. Фанатично влюбленный в шахматы, Зак стал на долгие годы тренером Корчного. Своей страстью к игре он заразил подростка, болезнь приняла хронический характер, и Виктор очень рано решил, что шахматы станут основным занятием его жизни.

Нельзя сказать, что путь Корчного в шахматах был столь же блистателен, как у Спасского, другого ученика Зака, ставшего гроссмейстером и претендентом на мировое первенство уже в восемнадцать.

Признавая, что никогда не был вундеркиндом, Корчной скажет годы спустя: «Я брал каждое препятствие лбом, я был уверен в себе до смешного». Действительно, и мастерское звание, и гроссмейстерское, и победы в чемпионатах Советского Союза давались ему как результат постоянной упорной работы и неутолимой жажды совершенствования.

В 1947 году он стал чемпионом СССР среди юношей. Характерно высказывание самого Корчного, когда много лет спустя он просматривал партии того первенства: «Совершенно нет таланта! Я бы того парня и на порог шахматного клуба не пустил».

После прекрасного дебюта – шестое место, впереди многих гроссмейстеров – в 20-м чемпионате страны (1952) и «серебра» в 21-м (1954) он провалился в 22-м (1955), заняв предпоследнюю строчку. В Спорткомитете ему устроили разнос, и Виктор по обыкновению не сдержался: «На следующей неделе начинается чемпионат Ленинграда. Если не выиграю, снимайте с меня стипендию! Брошу шахматы, пойду учителем в школу!»

Не думаю, чтобы он действительно осуществил эту угрозу, но характерна эмоциональная вспышка. Он выиграл чемпионат Ленинграда с результатом +15, установив до сих пор никем не побитый рекорд. И впоследствии, когда здравый смысл подсказывал, что лучше сдержаться, промолчать, не высовываться, запальчивый и несдержанный, он не раз высказывал не принятые и неприятные для начальства вещи.

Михаил Таль вспоминал, как однажды в середине шестидесятых на приеме у Юрия Машина, председателя Спорткомитета, Виктор огрызнулся: «А чему это вы улыбаются? Тому, что мы Олимпиаду проваливаем, что ли?» – что прозвучало по меньшей мере дерзостью.

Эти качества делали фигуру Корчного крайне неудобной для руководства, но функционерам приходилось считаться с его спортивными успехами, тем более что он был тогда чемпионом Советского Союза.

Самый первый победный для Виктора чемпионат страны, 27-й, проходил в начале 1960 года в ленинградском «Доме культуры Второй пятилетки», и я, еще шестнадцатилетний, бывал там почти на каждом туре.

Играя черными с Багировым, гроссмейстер должен был сделать очевидный ход слонем, побив неприятельскую ладью, и получить преимущество. Но после раздумий Корчной вдруг обдернулся – взялся за другого слона и... немедленно сдал партию. Зал был полон, как бывало в те времена на всех крупных турнирах, а здесь к тому же лидировал любимец города. Помню шум в зале и возбуждение публики, когда демонстратор вывесил табличку – «черные сдались». Что за чепуха, такого быть не может: демонстраторов набрали, совсем ничего в шахматах не понимающих! И ахи и охи, когда выяснилось, что произошло в действительности.

Когда оставался только последний рывок на ленточку, земляки страстно желали ему победы:

*Не оправдали наших планов,
отстали Спасский и Тайманов.
Теперь наш лидер основной*

*один-единственный – Корчной.
Вперед, земляк, гони усталость,
немного партий уж осталось.
Голубчик, друг, Корчной, родной,
не поддавайся ни в одной!*

И Виктор, выиграв три партии кряду, завоевал первую из своих четырех золотых медалей чемпиона страны, повергнув весь шахматный Ленинград в состояние эйфории.

Два года спустя Корчной уже играл в турнире претендентов (Кюрасао 1962). Он прекрасно стартовал и лидировал после одиннадцати туров, но в двенадцатом, имея почти выигранную позицию, грубым зевком проиграл Фишеру. Вторую часть соревнования он провел неудачно и в итоге занял пятое место.

Но турнир запомнился не столько спортивными результатами и выбывшим по болезни Талем, считавшимся до начала одним из фаворитов, сколько договорными ничьими между первыми тремя призерами – Петросяном, Геллером и Кересом.

После того турнира отношения на верхушке советских шахмат стали еще более острыми. Если для публики команда Советского Союза – бессменная победительница Олимпиад – подавалась как спаянный коллектив болеющих друг за друга друзей-соперников, на деле всё было иначе. В борьбе за собственные интересы (в первую очередь – зарубежные турниры) коалиции и интриги, заговоры и сплавы, наушничество и подметные письма были рядовым явлением.

На Олимпиаде в Зигене (1970) никто не разбудил проспавшего Корчного, и он получил ноль. Хотя опаздывать разрешалось на час, в команде, кроме капитана, было два запасных, да и времени, чтобы ему позвонить, было более чем достаточно. Помню его рассказ о злорадных ухмылках коллег на общем собрании команды после тура: Советский Союз встречался с Испанией, и это тоже было поставлено ему в строку (в то время у власти в этой стране пребывал Франко, и СССР не имел с Испанией дипломатических отношений).

В следующем цикле (1964–1966) Корчной не вышел в межзональный турнир, но затем снова включился в борьбу за звание чемпиона мира. В финальном матче претендентов 1968 года он проиграл Борису Спасскому. Его возраст приближался к отметке сорок, и если Корчной хотел еще всерьез бороться за мировую корону, надо было спешить. Именно тогда он предложил мне поработать вместе.

Наши первые встречи

Впервые я увидел его в октябре 1956 года. Тогда в ленинградском Дворце пионеров каждую осень устраивались шахматные праздники, и бывшие воспитанники давали сеансы одновременной игры детям. Мне выпало играть со Спасским. Когда партия закончилась, я подошел к другому сеансу, который давал, куря одну папиросу за другой, молодой человек с характерной мимикой, стремительной походкой передвигавшийся от столика к столику. Это был Виктор Корчной.

Мальчик, за спиной которого я встал, так и не решил, какой ход сделать, и попросил у сеансера разрешения пропустить очередь, пояснив: «Партий осталось мало, а вы появились так быстро...» В то же мгновение Корчной произнес короткое слово, которое довелось слышать многим, в том числе и мне, в ответ на предложенную ничью. Корчной сказал:

– НЕТ!

Ему было тогда двадцать пять, гроссмейстером он стал только что и, хотя у него успехи были не так впечатляющи, как у Спасского, с бескомпромиссным стилем игры и такой же манерой поведения Корчной тоже был любимцем города.

В следующем году я сыграл с ним уже сам. Это был сеанс на десяти досках с часами, и мне удалось добиться ничьей. Текст партии не сохранился, но течение ее помню очень хорошо. Я разыграл вариант Рубинштейна во французской защите, получил, как водится, похуже, но в конце концов удержал позицию. Полвека спустя на турнире в Эстонии (ноябрь 2008) мы сыграли вничью и нашу последнюю партию. Круг замкнулся.

Внутри этого круга было всё. И ленинградский период очень близких отношений – и довольно натянутых, когда я решил эмигрировать из Советского Союза. И снова очень близких, еще до того, как он отважился резко переменить судьбу, а я уже жил на Западе (1973–1976).

После чего начался третий, сорокалетний период (1976–2016), закончившийся с его смертью. В эти годы случалось всякое. Были размолвки. Были столкновения и конфликты, неизбежные, как я понял потом, при общении с ним. Был период, когда мы совершенно не общались несколько лет. Но остались в памяти и многие дни, проведенные у него в Швейцарии, у меня в Амстердаме, на турнирах и Олимпиадах. И были не только шахматы, но и разговоры, разговоры обо всем на свете. И постоянный телефонный контакт в годы, когда он был прикован к инвалидному креслу. И самый последний разговор – едва ли не за несколько дней до его ухода.

Личному знакомству с Корчным – а до этого и с Талем – я обязан Александру Григорьевичу Баху. Алик, как все его звали тогда, был заметной фигурой в шахматных кругах Ленинграда и помимо Таля, с которым дружил еще с рижских времен, знал всех и вся.

Помню совместный ужин в декабре 1969 года в ресторане питерской гостиницы «Европейская», когда Корчной спросил у Миши, не возражает ли он, если я поработаю с ним некоторое время. Не знаю, что Таль думал в действительности, но он не возражал, и пару недель спустя мы с Корчным отправились за город, в зеленогорский Дом творчества «Архитектор», где бывали потом еще не раз на сборах перед турнирами или матчами.

Уже на Западе в своей первой, изданной по-голландски автобиографии он напишет: «Готовясь к чемпионату страны (январь 1970), я начал работать с новым тренером. Фурман полностью ушел в работу с Карповым, и моим помощником стал молодой ленинградский мастер Геннадий Сосонко. Он мало играл в турнирах, но был известен как очень хороший тренер. Очень высоко отзывался о его способностях Таль, которому Сосонко помогал. Кстати, это было во время матча Таля со мной (Москва 1968). В ленинградском Дворце пионеров, где Сосонко работал, о нем рассказывали легенды; советы Сосонко были бесценны для молодых шахматистов. Я не ошибся в выборе тренера».

Тогда же была платформа Финляндского вокзала, и он запаздывал, и я уже совсем смирился, что придется ждать следующей электрички, как вдруг появился бегущий Виктор – молодой, смеющийся, машущий рукой, что-то объясняющий о задержке автобуса. Был февраль 1970 года, и ему было только тридцать восемь...

Перед началом нашего первого сбора я признался, что по-настоящему знаю только несколько вариантов, и то неизвестно, понравятся ли они ему. Ответ Корчного запомнился очень хорошо:

– Ничего, ничего, – сказал Виктор. – Мне всё интересно.

Сказал тогда же:

– Мне тут предложили приобрести «Хандбук» Бильгера (*канонический дебютный справочник XIX века, выходявший с 1843 по 1916 год! – Г.С.*). Там, говорят, есть много любопытного. Хотите на одну позицию оттуда взглянуть? Мне ее Костя Кламан рекомендовал, очень интересная...

Нередко, увлекшись какой-нибудь идеей, он предлагал вариант, с практической точки зрения нереальный; он и сам, конечно, понимал это, но сколько бы часов ни отнимал анализ, он вовсе не считал его пустой тратой времени. И дело было даже не в том, что он получал удовольствие от самого процесса; в работе над шахматами Корчной придерживался пушкинского принципа: «две придут сами, третью приведут». Только поэт имел в виду рифмы, а гроссмейстер – идеи, возникающие во время анализа. Количество переходит в качество, полагал он, и действительно, трудно представить себе, «из какого сора» порой росли идеи, найденные Корчным.

Стремясь дойти до самой сути, он не любил неопределенности, вялых выводов типа «играть можно», «заслуживает внимания» или «прямого опровержения вроде не видно», и всегда старался достигнуть конкретных результатов. Приятель его юности вспоминал, как однажды попросил Витю проанализировать отложенную позицию. Когда после нескольких часов он, измочаленный и выпотрошенный, стал собираться домой, Виктор только пожал плечами: «Это ведь нужно тебе, не мне, мы же еще и половины не посмотрели...»

Говорил: «Нет, до конца, дальше, дальше!» Тем самым предвосхищая метод, ставший десятилетие спустя профессиональным клеймом Гарри Каспарова. «...Я верю, что лед разбить возможно для форели, когда она упорна. Вот и всё». Эти строки наверняка понравились бы Виктору, но тогда я их еще не знал.

Правда, в отличие от тринадцатого чемпиона мира, в тренерской бригаде которого всегда был кто-то, записывавший выводы аналитического дня, ни он, ни я практически не вели какой-либо документации. Только чудом сохранившиеся в моем архиве несколько пожелтевших листков с наскоро набросанными вариантами каталонского начала и варианта дракона напоминают сейчас о том доисторическом времени.

Густав Малер однажды сказал: «Я не щадил себя самого и поэтому мог требовать напряжения всех сил и от других». Слова великого композитора справедливы и для великого шахматиста. Если после многочасового анализа я начинал просматривать угрозы, Виктор ронял: «Вижу, вижу, вы устали. Устали. Вот и зевки стали допускать...» Сам же был свеж как огурчик.

Это качество – сохранять энергию за доской на протяжении многих часов – удивляло не только меня. Шесть лет спустя Лев Полугаевский, разгромно проиграв Корчному полуфинальный матч претендентов (Эвиан 1977), не нашел иного объяснения своей неудаче: «Это что-то удивительное. Ну не может же он в таком возрасте играть намного лучше, чем раньше! Наверное, принимает какой-нибудь допинг или стимуляторы, в шахматах же нет допинг-контроля. В начале партии он выглядит сонным, затем постепенно приходит в себя, а на пятом часу игры, когда соперник устает, Корчной полон сил и энергии».

Ханс Рее рассказывал, как во время четвертьфинального матча претендентов Корчной – Портиш (Бад-Киссинген 1983) они вместе с Яковом Муреем, другим помощником Виктора,

анализировали отложенную позицию до трех часов ночи, после чего Корчной отпустил ассистентов: у тех уже слипались глаза. Оставшись один, маэстро колдовал над позицией до полшестого утра и отправился спать, только найдя в каком-то заброшенном ими варианте новую идею. Корчной выиграл ту партию, а вместе с ней и матч.

Он верил в принцип, что мастерство важнее вдохновения, и когда журналисты спрашивали его о секретах побед, переспрашивал: «Формула успеха? Работать надо регулярно!» Или в другой раз: «Большинству своих достижений я обязан постоянной работой над шахматами – и говорю об этом с гордостью».

Одно время я пытался перенять у него этот фанатизм: у меня был период, когда игра занимала довольно большое место в жизни. Но такой одержимости научиться, конечно, невозможно...

Однажды, когда прямо из дебюта возникла эндшпильная позиция, Виктор обронил: «Я все эндшпили помню, кроме одного – ладья и крайняя пешка против одинокого слона. Там очень трудный, многоходовый выигрыш. Его в точности не помню...»

Подумалось тогда еще: а нужны ли все эти знания? Ведь после сорока ходов партия всё равно откладывается, а там – в твоём распоряжении любые справочники по эндшпилю. Вслух сказать это, правда, поостерегся: для Корчного ли был такой прагматично-потребительский подход к шахматам!

Хотя шахматы занимали почти всё время, зимой, когда лежал снег, мы прерывали наши бдения и на час-другой становились на лыжи. Так бывало и в Зеленогорске под Ленинградом, и в швейцарском Энгельберге, где у него была небольшая квартира. Совсем рядом с ней проходила лыжня, и в хорошие дни мы проходили ее до конца. Порой мне стоило немалых трудов вытянуть его из дома на снег: увлекшись анализом, он не замечал, что стрелка часов уже перевалила за двенадцать, солнце светит вовсю, а за окном давно проносятся веселые лыжники. Но встав на лыжи, забывал о возрасте и с азартом отмеривал километры. Частенько съезжал с небольших горок, заранее зная, что падение неизбежно, после чего, побряхтев и отряхнувшись, возвращался на лыжню.

Однажды, правда, неудачно упал и сломал ногу, но что с того: с ногой в гипсе играть ведь тоже можно. Этот полысевший и поседевший человек был тем же самым Витей Корчным, который полвека назад сдавал на втором курсе университета нормы на значок ГТО («Готов к труду и обороне СССР»). Тогда он встал на лыжи едва ли не впервые в жизни, но выдерживал темп всю дистанцию, хотя за сотню метров до финиша упал и без посторонней помощи не смог подняться.

Летом после обеда мы выходили на прогулку. Когда-то, еще в свой ленинградский период жизни, он пытался водить машину, но однажды ударил на Васильевском острове машину ГАИ. Это оказалось последней каплей: больше за руль он не сел. Но пешком ходил с удовольствием, сохранив эту привычку и после того как остался на Западе.

За прогулками мы разговаривали о том о сем. Объяснял однажды мне, никогда не бывавшему не только ни в одной капиталистической стране, но и в странах Восточной Европы, называвшихся тогда «странами народной демократии»:

– Вы, наверное, думаете, что сто долларов – очень большая сумма, а ведь за границей и за билеты в метро, и за сигареты тоже не рублями платят...

В том же Зеленогорске Виктор раз в неделю лично ходил в ларек неподалеку и запасался спиртным.

– Никогда не знаешь, как обернется дело вечером, а пару бутылочек всегда надо иметь в записке, – объяснял мне, загружая авоську.

В нашем привилегированном доме отдыха мужчины после ужина флиртовали с дамами в гостиной, собирались в бильярдной или отправлялись на вечерний моцион, чтобы потом разбрестись по своим номерам. В соседних же домах отдыха – «Торфяники» и «Сакко и Ван-

цетти» – по вечерам начинались танцы. Танцы! Виктор обожал танцевать и делал это неутомимо и самозабвенно.

«Торфяники» были попроще и, может быть, именно по этой причине больше нравились мне, в то время как маэстро предпочитал «Сакко и Ванцетти». Там всегда присутствовал мас-совик, развлекавший публику между вальсами и фокстротами, но иногда объявлявший со значением: «Дамское танго! Дамы приглашают кавалеров!»

Иногда мы приглашали девушек зайти в наш «архитекторский» коттедж на холме, чтобы потанцевать, но не под радиолу, а под льющуюся из таинственного аппарата западную музыку. Маленький транзисторный приемник, привезенный Корчным из какой-то заграничной поездки, был тогда редкостью, и владение им уже само по себе выделяло его обладателя из обычного ряда.

Не все девушки, видя, что имеют дело с довольно странными типами, соглашались на наше предложение, но случалось, что мы отправлялись в наш уютный домик вчетвером.

Один такой поход я запомнил очень хорошо. Виктор настоял на приглашении девушек-подружек, работавших в пулковском аэропорту. На одну из них он положил глаз, я же, взглянув на обеих, сказал, что это – пустой номер. Но Виктор уже впал в состояние, когда его трудно было переубедить. Я оказался кругом прав: не без высокомерия осмотрев наш коттедж и отказавшись потанцевать под западную музыку, девушки выпили что-то безалкогольное и заспешили домой.

«Пусть идут: найдут дорогу, чай не маленькие», – советовал я шепотом, но Виктор мямлил что-то типа «неудобно», что уже темно, да и вообще. Не проронив ни слова, я отправился вместе с ним и девушками обратно к «Сакко и Ванцетти», но в беседе участия не принимал и попрощался с подружками крайне холодно.

Мы возвращались в наш «Архитектор», когда на дворе была уже ночь, я продолжал дуться на девушек, на Сакко и Ванцетти, на него, время от времени бурча что-то типа «я же говорил...»

– М-да... – примирительно начал Виктор очередной заход, когда мы уже подходили к нашему коттеджу. – А знаете ли вы, что говорит в таких случаях Леня Штейн?

Я решительно не знал, что говорит закадычный приятель Виктора в случаях, похожих на наш.

– А Леня Штейн говорит: «У Маяковского есть стихотворение “Мама и убитый немцами вечер”». Именно, Геннадий Борисович, – убитый немцами вечер! – заключил Виктор.

Я прекратил дуться и смеялся вместе с ним. Придя в наш коттедж, он первым делом откупорил захваченную с вечерней трапезы бутылку кефира.

– И вам, Генна, рекомендую: крайне полезно для здоровья. Берите, берите стаканчик, – примиряюще уговаривал он.

Хотя в советском периоде нашей жизни не раз бывали ситуации, когда переход на «ты» казался само собой разумеющимся, мы всю жизнь обращались друг к другу на «вы» и по имени.

– Ой, Томка, послушай, а они «вы» друг другу говорят! А ну-ка выпьем, мальчики, на брудершафт. Ну, дрогнули!

Это фразка из какого-то застолья с Ленкой и Томкой (за имена не ручаюсь) в январе 1971 года в Риге, в гостинице с тем же названием.

И пилось на брудершафт, и переходилось на «ты», но когда дружба с Томкой и Ленкой кончалась, по какой-то причине мы снова переходили на «вы», словно подчеркивая несерьезность и брудершафта, и дружбы с самими девушками.

Иногда, правда, он называл меня Геннадием Борисовичем. Это или говорилось в шутку, или означало, что он намерен сообщить что-то кажущееся ему значительным, а что казалось ему значительным, мог знать только он сам. Я во всяком случае после такого обращения, если не настораживался, то как-то собирался.

Между нами было двенадцать лет разницы, но однажды в том же Доме отдыха у него спросили: «Это ваш сын?» Виктор только пожал плечами. Но, оказалось, запомнил. Через несколько месяцев он, спускаясь со сцены после тяжелейшей партии матча с Геллером, постаревший и обмякший, поймав мой взгляд, направленный на немалых размеров пятно, расплывшееся у него под мышкой, воскликнул:

– У меня таких цейтнотов, как сегодня, может, сотни за всю карьеру было. Сотни! Что ж тут удивляться, что вас за моего сына принимают!

Мы оба тогда курили напропалую, но Виктор время от времени бросал курить во время турнира (непостижимо для курильщика!), обычно после проигранной партии. Добровольно надевая на себя вериги и подвергая наказанию плоть, он таким образом закалял дух.

Был горячим приверженцем сна перед партией, и в игровые дни в мои обязанности входил и телефонный звонок, кладущий конец послеполуденному отдыху маэстро. «Виктор, пора!» – говорил я тоном слуги Сен-Симона, будившего своего патрона словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!»

У него были свои привычки по части питания, и Виктор старался следовать им даже на выезде. Наученный в юношеские годы ленинградским мастером Ноахом, он начинал каждое утро с тарелки овсяной каши, причем не изменил этой привычке и на Западе. Когда в одном из последних интервью его спросили о секрете спортивного долголетия, он только выдохнул коротко: «Овсянка!» Имел пристрастие к супам, и в ресторане вместо изысканных салатов и разносолов предпочитал для начала заказать суп.

Тот же Ноах рекомендовал молодому Корчному заниматься гантелями. В Зеленогорске, правда, гантелей не помню, но в начале своей карьеры Виктор брал с собой тяжеленные гири не только на соревнования внутри страны, но и на зарубежные турниры. Так было в Бухаресте на его первом международном турнире, да и потом в Гастингсе двумя годами позже. Став постарше, он отказался от этой привычки: перевес багажа мог оказаться катастрофическим, а ведь за границей тогда можно было приобрести немало того, что являлось дефицитом в Советском Союзе.

Перед сном мы говорили о том о сем, пытались поймать «Голос Америки» или «Немецкую волну» – глушение в окрестностях Ленинграда было много слабее, чем в самом городе. Иногда он доставал какую-нибудь книжку, привезенную из-за границы и запрещенную в Советском Союзе (мы жили на сборах в двухместном номере, что считалось тогда вполне нормальным). Помню романы Набокова, оруэлловский «1984», который он читал по-английски, только время от времени заглядывая в словарь. К людям, хорошо владеющим иностранными языками, Виктор всегда относился с пиететом – и сам едва ли не до конца старался совершенствоваться в английском, потом в немецком.

Вспоминая собственный когда-то убогий английский, со смехом рассказывал, как на турнире в Буэнос-Айресе (1960) очутился в ресторане за одним столиком с Решевским. Когда подошел официант, чтобы взять заказ, он решил помочь американцу:

– Did you elect already?

– What?! – переспросил ошарашенный Сэмми.

Вспоминая Решевского и свой кандидатский матч с ним (Амстердам 1968), он пару раз ронял: «Там, на канале...» Но мы не знали еще, что пройдет совсем немного времени, и он попросит политическое убежище в этом замечательном городе на воде, а я к тому времени буду жить в нем уже несколько лет.

Иногда мы играли на бильярде. Хотя Виктор не был хорошим бильярдистом, но всё же играл много лучше меня. И возмущался, когда я наносил бездумный удар по скоплению шаров, надеясь, что какой-нибудь шальной залетит-таки в лузу. Качал головой:

– Да вы на шармака играете! С опытным игроком вы после такого удара уже и к столу не подошли бы...

А если после моего лихого удара в лузу влетал совсем другой шар, сердился:

– В следующий раз вы будете объявлять заранее, какой именно шар собираетесь играть!

А то вы только фуксами и пробавляетесь...

Или, когда я пытался забить невозможный, с его точки зрения, шар, пожимая плечами, сообщал зрителям:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.